

величайшихъ сыновъ сего міра. Если онъ не смогъ одолѣть міръ ни словомъ, ни творчествомъ, какъ же намъ одолѣть обступившую насъ ночь.

Но въ томъ, что онъ тронулся съ мѣста, для насъ есть величайшее знаменье: стало быть есть мѣсто, куда можно уйти.

Если ночь обступаетъ насъ всѣми ужасами своими, если мы беспомощны въ этой ночи, всемъ усиліемъ воли своей мы должны создавать катакомбы, гдѣ могли бы мы себя чувствовать въ безопасности, гдѣ бы насъ озарялъ беспрепятственно блескъ лампадки.

Итакъ все то, что является черезполосицей нашей жизни, мы должны превратить въ подлинный катакомбный ходъ. Бѣгство Толстого изъ міра есть единственное реальное поученіе его намъ. Но куда изъ міра уйдешь, если нѣтъ катакомбы. Но, нѣтъ: катакомба есть у каждаго изъ насъ: ее нужно только сознать, расширить, превратить въ мѣсто встрѣчи: вѣдь и такъ мы — изгои: ни здѣсь, ни тамъ: ни въ языческой современности, ни въ далекомъ и угасающемъ прошломъ, ни въ слѣпительномъ будущемъ.

Ты пойми, мы ни здѣсь, ни тутъ:

Наше дѣло такое бездомное.

Пѣтухи—поютъ, поютъ,

Но лицо небесъ еще темное.

Ницше, Толстой, Вл. Соловьевъ, Мережковскій и многіе другіе, имъ подобные, независимо отъ разности ихъ міровоззрѣній, насквозь проникнуты мыслью о безуміи и ужасѣ современности. Ницше проклинаетъ современность, Толстой устраиваетъ забастовку своимъ глухимъ молчаніемъ въ „Ясной Полянѣ“, Вл. Соловьевъ носитъ со своей утопией теократіи, разочаровавшись въ которой, предвидитъ скорый конецъ всего, Мережковскій беспочвенно примиряетъ непримиримое: всѣ они — князья удѣловъ подлинной культуры: и какъ смѣшны они въ полемикѣ другъ съ другомъ, предъ лицомъ одинаково ихъ всѣхъ непонимающей современности. И пока они рассказываютъ толпѣ о ими увидѣнныхъ Свѣтлыхъ Обителяхъ будущаго, эта толпа, считая себя обманутой ими, изгоняетъ ихъ за черту досягаемости. Разъединенные, порознь гибнутъ удѣльные князья арійской культуры, сраженные злыми стрѣлами ихъ обступающихъ варваровъ.